

Russian Bizerte Boys (from the history of the Sevastopol Marine Corps)

N. L. Krylova¹

¹Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-536-549

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the history of the creation, the African period of life and the closure of the Sevastopol Marine Corps, a unique educational institution that trained officers of the Russian Navy in conditions of emigration, the peculiarities of the educational process, and the daily life of midshipmen on African soil in 1921–1925.

Keywords: Russia; Tunisia; Bizerte; Russian Black Sea Squadron; Sevastopol Marine Corps; midshipmen; auto-documentary evidence; everyday life

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Krylova, Natalia L. | E-mail: krylovanl@yandex.ru
| D. Sc. (History)

Морской Корпус. Хроника послереволюционных реконструкций

Н. Л. Крылова¹

¹Институт Африки Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-536-549
УДК 316.3/4; 316.7

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена истории создания, африканскому периоду жизни и закрытию Севастопольского Морского корпуса – уникального учебного заведения, готовившего в условиях эмиграции офицеров российского морского флота, особенностям учебного процесса, повседневному быту гардемарин на африканской земле в 1921–1925 гг.

Ключевые слова: Россия; Тунис; Бизерта; Русская черноморская эскадра; Севастопольский Морской корпус; гардемарины; автодокументальные свидетельства; повседневность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Крылова, Наталия Леонидовна | E-mail: krylovanl@yandex.ru
Доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Эмиграция – это похороны, после которых жизнь продолжается дальше.

Тадеуш Котарбиньский

Более столетия назад – осенью 1920 г, после разгрома армии Врангеля в Крыму, 150 тыс. русских отправились на чужбину. Наступила эпоха русской эмиграции. Люди разных социальных классов, профессий, вероисповеданий, национальностей сформировали уникальную общность, рассеявшуюся по всему миру. Ее пути пролегли и через Африку.

Последним прибежищем для Русской Черноморской эскадры стала Бизерта – город-порт в самой северной точке Африканского континента. Русских здесь встречали и раньше: на военно-морскую базу, принадлежавшую французскому флоту, заходили российские военные корабли. Здесь можно было пополнить запасы топлива и провизии. Именно сюда зимой 1920–1921 гг. на свою последнюю стоянку пришла Черноморская Императорская Русская эскадра из 34 военных судов согласно решению бывших

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

союзников по Антанте. С эскадрой в Бизерту прибыло более 6000 русских беженцев: моряков с семьями и гражданских лиц – мужчин, женщин, детей¹. Сюда же на линейном корабле «Генерал Алексеев» и вспомогательном крейсере «Алмаз» в полном составе прибыл Севастопольский Морской корпус – прямой наследник Морского Кадетского Корпуса в России, открытого в 1752 г. в Санкт-Петербурге. Созданный на базе петровских военных учебных заведений, он предназначался для подготовки офицеров флота. Севастопольский Морской корпус – уникальное в своем роде образовательное учреждение с богатой историей, этапы которой отражали быстро меняющуюся общественно-политическую обстановку в России первых декад XX столетия. В 1911 г. Особой комиссией было принято решение о преобразовании морских военно-учебных заведений. В 1913 г. для молодых людей со средним образованием, выбравших морскую карьеру, были созданы отдельные Гардемаринские классы, где в течение двух с половиной лет юношам надлежало обучаться по специальным программам Морского Корпуса и курсу практического плавания.

Открытый в 1916 г. «Морской Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Кадетский корпус» в Севастополе во главе с капитаном I ранга С. Н. Ворожейкиным просуществовал всего один год и был расформирован Временным Правительством летом 1917 г.

Приказом по флоту и морскому ведомству Севастопольский Морской кадетский корпус с сентября 1917 г. объявлялся переведенным в Петроград. Кадетам были предоставлены продолжительные каникулы. Единственная рота кадетов Корпуса была переведена в Петроградское Морское училище. Младшая же гардемаринская рота была отправлена в сентябре того же года для практического плавания на Дальний Восток [3]. Зимой 1918 г. по приказу Троцкого Морское училище было закрыто, а его воспитанники распущены.

Летом следующего года вооруженные силы Юга России установили свою власть в Севастополе. Было понятно, что восстановить в разгар войны такое специальное учебное заведение, как Морской корпус, практически нереально. Тем не менее группа офицеров Императорского флота, не примирившаяся с ликвидацией, попыталась его реанимировать. Воссозданный в Севастополе в 1919 г. по инициативе старшего лейтенанта Н. Н. Машукова² Севастопольский Морской корпус вновь начал подготовку офицеров. В корпус с момента его открытия зачислялись все желающие,

¹ Во вступительной статье к сборнику «Русская колония в Тунисе. 1920–2000» его составитель К. В. Махров, ссылаясь, в свою очередь, на «Записку о состоянии Русской эскадры» Н. Р. Гутана, называет цифру 5849 человек, к которой прибавляется еще 499 человек, прибывших в январе 1921 г. на «Цесаревиче Георгии». Всего 6388 человек [1, с. 11–12]: В своем исследовании «Русские в Тунисе. Судьба эмиграции «первой волны» М. Панова ограничивается приблизительной цифрой в 6000 человек [2, с. 46].

² 14 октября 1919 г. поступил приказ Главнокомандующего о производстве старшего лейтенанта Н. Н. Машукова, исполняющего обязанности директора Севастопольского Мор-

имевшие крепкое здоровье и необходимый уровень образования. Социальные различия при приеме в расчет не принимались.

В итоге с сентября 1919 г. в Севастопольский Морской кадетский корпус было зачислено 130 молодых людей 16–18 лет со средним образованием. Столько же было принято в гардемаринскую роту. В младшую кадетскую роту зачислялись мальчики 12–14 лет с подготовкой на уровне трех классов гимназии или реального училища. Число учащихся прежнего Морского училища в рядах новых воспитанников корпуса было невелико: многих, принимавших участие в Гражданской войне, к тому времени произвели в офицеры в военных структурах, где они проходили службу [3].

Обучение в Морском корпусе выстраивалось по программам, утвержденным в Морском училище (бывшем Морском корпусе) в Санкт-Петербурге. Структурно Морской корпус состоял из 7 рот (гардемаринских и кадетских), преподавательского состава и обслуживающего персонала. Морским корпусом руководил директор, назначаемый лично главнокомандующим Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) [4, с. 270–274].

Из Севастополя в Бизерту

Летом 1920 г. при Морском корпусе была сформирована так называемая «Сводная рота» из служивших в морских частях Добровольческой армии Юга России кадетов и гардемарин Петроградского Морского училища, а накануне эвакуации в его состав была зачислена гардемаринская рота Владивостокского морского училища. Ей командовал начальник строевой части капитан 1 ранга М. А. Китицин. Таким образом, из Севастополя в Бизерту уходило 17 офицеров-экстернов, 235 гардемарин, 110 кадетов, 60 офицеров и преподавателей, 40 человек команды и 50 членов семей офицеров – в общей сложности 370 учащихся во главе с Директором Морского корпуса контр-адмиралом В. С. Ворожейкиным³ [5, с. 288; 6, с. 4]

«Рано утром 31-го октября 1920 г. казалось, что все готово к отплытию <...> Ровно в 11 часов вечера, давно уже подняв пары, «Генерал Алексеев» начал выбирать якорный канат и, медленно разворачивая свой огромный корпус, направился в открытое море <...> Все находившиеся на палубе столпились у борта и надстройках корабля, уходящего на совершенно неизвестный срок, неизвестно куда. Многие плакали, крестились и махали платками <...> Последним нашим видением был Херсонесский маяк, мигающий огонь которого, казалось, нам говорил напутственные слова: “Это временная разлука, вы еще вернетесь, когда Россия возродится”. – “До скорого свидания”, мысленно отвечали мы...” [7, с. 14–15].

По прибытии Русской эскадры в Бизерту зимой 1920 г. беженцы какое-то время оставались на кораблях; их содержали французское Морское

ского кадетского корпуса, в капитаны II ранга – «за громадные труды, положенные им на открытие Морского Корпуса» [3].

³ По прибытии в Бизерту контр-адмирала С. Н. Ворожейкина на посту Директора Корпуса заменил вице-адмирал В. А. Герасимов.

ведомство и военные власти. Однако такое положение не могло сохраняться долго. По окончании карантина в промежуток с 13 января по 4 февраля 1921 г. весь Севастопольский Морской корпус был переведен на берег [4, с. 298]. Его разместили в старом военном форте Джебель Кебир – крепости, сохранившейся ещё от времен турецких завоеваний в Африке. У его подножия был разбит лагерь Сфаят, в нем обосновался персонал с семьями.

«Настал день расставания с нашим кораблем «Генерал Алексеев», к которому мы уже сильно привыкли за эти три месяца жизни и службы на нем, главное, что он являлся для нас последним, как бы кусочком России», – вспоминает один из очевидцев тех лет [8, с. 24]. После спуска на сушу начались и первые контакты с местным населением, с любопытством и остороженностью окружившим гардемаринов. Арабы, заинтригованные большим числом юношей в военной форме, говоривших на незнакомом языке, вскоре разобрались, что перед ними русские, и стали приветствовать их с видимой симпатией: Руссия хандулла [8, с. 27]. Позднее, когда жизнь в Морского корпуса в Джебель-Кебуре уже была организована, арабы не оставляли воспитанников своим вниманием. В. В. фон Берг вспоминает: «Прискакали однажды на горячих арабских конях арабы всадники и привезли в седлах своих «подарки» Корпусу. Это была сладкая каша с фруктами по арабски «Кус-Кус». Всадники въехали в крепость <...> и понесли медные, ярко вычищенные тазы с «Кус-Кусом» гардемаринам и кадетам – большим любителям всего сладкого» [9, с. 175].

Форт Джебель-Кебир, расположенный на горе Кебир, представлял собой прямоугольную постройку с просторным двором, окруженным хозяйственными застройками с одной стороны и с высокой стеной с другой. Перед входом в форт был большой плац. «С этой строевой площадки открывалось зрителю восхитительная панорама на всю Бизерту с ее горами, озером, пальмовыми аллеями и прелестной бухтой Средиземного моря», – пишет в своей книге В. В. фон Берг [9, с. 149] Форт не был оборудован электричеством, поэтому была установлена дизель-электрическая станция, вывезенная из Севастополя. В казематах форта были устроены помещения для воспитанников, оборудованы учебные классы, склады, гауптвахта и церковь. Гардемарины спали на деревянных топчанах с матрацами и подушками, набитыми сеном. Постельное белье и одеяла были выданы французским командованием.

Omnia mea mecum porto

Несмотря на сложности и неизбежный хаос эвакуации, из Морского корпуса было захвачено имущество, которое можно было унести и погрузить на корабли. Корпус вывез с собой полное оборудование, собственную небольшую типографию, церковную утварь, учебные пособия, обмундирование, продовольствие [5, с. 289–290]. Очевидцы вспоминали: «Весть об эвакуации быстро пролетела по всему Крыму, и находящиеся в разных

его краях воспитанники Корпуса поспешили в него вернуться всеми возможными способами передвижения и часто пешком <...> Когда мы вышли <...> на пристань, на ней была огромная куча корпусного имущества, предназначенного на погрузку в баржу, которая ожидалась с часу на час. Гардемарины и кадеты переносили всевозможное корпусное имущество, а некоторые с винтовками в руках несли охрану около него. Чего тут только не было – обмундирование и белье из опустошенного цейхгауза, всевозможные учебные пособия, многочисленные книги из нашей библиотеки, различные приборы, винтовки и, в конце концов, хозяйственная утварь, начиная с походной кухни, сопровождаемой съестными припасами, заготовленными для питания кадет, как бочки со смальцем, кули муки, крупы и прочее и прочее – ведь едем куда-то на полную пока неизвестность, а питание ведь важное дело» [7, с. 9].

Бизертская жизнь Корпуса постепенно налаживалась. Со временем была организована библиотека. Ее основу составили более 3000 книг, привезенных из Севастополя. Фонд регулярно пополнялся новыми поступлениями, приходившими со всех концов русского зарубежья. В специальной переплетной мастерской реставрировались книги и учебные пособия. Через Международный Красный крест контр-адмиралу Н. Н. Машукову удалось получить средства, на которые было закуплено оборудование для спортивно-оздоровительных занятий гардемарин.

Свидетельства очевидцев

Севастопольский Морской корпус в Бизерте – структура максимально точно воспроизведенная по-настоящему героическими усилиями офицеров Русской эскадры, педагогов-эмигрантов, священников, женщин в тяжелейших условиях эмигрантского бытия. Прикоснуться к его краткой истории, будням и судьбам юных гардемарин, нашедших приют и получивших образование в Африке, позволили сохранившиеся воспоминания очевидцев и их потомков. Записи, дневники, воспоминания, документы, стихи, интервью – всё это часть одной большой Памяти русской эмиграции, непосредственных участников событий, изданные за рубежом, а позднее и в России. Среди них воспоминания Н. А. Монастырева [10], Н. З. Кадесникова [11], педагогов и наставников гардемарин Севастопольского Морского корпуса В. В. фон Берга [9] Н. Н. Кнорринга [12], дневники поэтессы Ирины Кнорринг [13], коллективный труд, посвященный истории Морского корпуса «Колыбель флота» [4], сборник воспоминаний о тунисской колонии, составленный К. В. Махровым [1], книги и интервью А. А. Манштейн-Ширинской [14] и А. В. Плотто [15] и другие. Специалисты-историки и те, кто профессионально не владел литературным пером, приняли на себя труд формирования и сохранения исторической памяти. Вольно или невольно они писали биографию «русской» Африки на фоне масштабных, драматических общественно-политических и социокультурных процессов и собы-

тий XX века. С помощью пера и памяти они создавали уникальную стилистическую атмосферу описываемой эпохи и континента, пытаясь так или иначе осмыслить прошлое.

Владимир Фон Берг – профессиональный военный, человек удивительной судьбы – морской офицер, патриот России. Выпускник Морского кадетского корпуса, он более 20 лет прослужил в нем, воспитывая и обучая гардемарин. В своих воспоминаниях «Последние гардемарин» Владимир фон Берг отмечал: «О жизни Морского Корпуса в Африке можно было бы написать отдельную большую интересную книгу со многими психологическими этюдами, романическими сценами, веселыми и печальными эпизодами, с глубокими философскими мыслями и весьма остроумными шутками и остротами старых и молодых участников этой оригинальной жизни...» [9, с. 174]. Впоследствии, по свидетельству Анастасии Манштейн-Ширинской, когда уже не будет ни «Георгия», ни Морского корпуса, В. Берг будет вспоминать с любовью о буднях дорогих ему совсем юных своих подопечных гардемарин. Как учили их, опекали, хоронили... [14, с. 198].

Иначе определял смысл и цель своего литературного труда, посвященного жизни Морского корпуса в Тунисе, Н. Н. Кнорринг, профессиональный историк, преподававший гардемаринам, помимо отечественной истории, русский и латинский языки: «У меня не было охоты давать полную и всестороннюю картину жизни Морского корпуса, несмотря на то, что во всех ее сторонах у меня сложились определенные взгляды, документально обоснованные для многих, конечно, весьма спорные⁴. Там было и плохое, и хорошее. Я здесь намеренно остановился только на втором, потому что, помимо личных впечатлений, мне казалось, что положительные стороны этого эпизода нашего беженства столь очевидны, что не должны быть забыты» [12, с. 6].

Будни и праздники Корпуса

Социально-бытовая адаптация является важной, а возможно, и определяющей частью любого миграционного процесса. Насколько успешно она проходит, зависит от многих факторов. Один из важнейших – овладение новыми культурными навыками и установками, их сочетание с повседневными практиками, вывезенными из дома.

Мыслящих людей волновали вопросы бытия новых поколений. Едва ли не главной задачей представителей «первой» эмигрантской волны стало воспитание подрастающей молодежи. И в первую очередь это было стремление передать детям традиции, культуру России, «заразить» их «чувством родины и веры». Кн. П. Долгоруков, русский историк и публицист, живший с 1859 г. в эмиграции, подчеркивал, что новое поколение молодежи должно вернуться на родину «нравственно здоровым», «гармонично сочетающим

---

⁴ Н. Н. Кнорринг имеет в виду свою статью «Морской корпус в Африке», вышедшую в седьмом номере журнала «Русская школа за рубежом» (Прага, 1934 г.).

в своем мировоззрении «человеческую личность, семью, родину, человечество» [16, с. 162–163, 179].

При всей разнородности социального и профессионального составов, материального положения, политических и общественных взглядов и настроений эмиграция оставалась единодушна в стремлении сохранить детей русскими во всей совокупности понятий, характеристик и импульсов, определяющих это состояние. Стремление подкреплялось твердой убежденностью в неизбежном возвращении на родину [17].

Поколение морских офицеров и матросов, пережившее мировую и гражданскую войны, оказавшись в изгнании, ставило задачу воспитания подрастающего поколения в духе военных и патриотических традиций, дабы Россия после освобождения от большевистского террора получила высококвалифицированные военные кадры.

Деятельность Севастопольского Морского корпуса в Бизерте в 1921–1924 гг. показательна в контексте истории образовательных учреждений русской эмиграции «первой волны», обеспечившей русским кадетам и гардемаринам возможность получения полноценного качественного специального образования в суровых условиях африканской эмиграции и продолжения его в учебных заведениях Европы.

Для большинства русских мальчиков (некоторые из них были еще совсем маленькими, многие оторваны от семьи или сироты), оказавшихся в Тунисе, учеба и жизнь в Морском корпусе была едва ли не единственной возможностью выжить. В опеке и образовании нуждались и дети постарше. Весь личный состав преподавателей и их семейств, вспоминает А. Манштейн-Ширина (470 человек), составили маленькое самостоятельное поселение, «прожившее деятельной жизнью почти пять лет под заботливым управлением вице-адмирала Александра Михайловича Герасимова» [14, с. 196]. Это своеобразное социальное сообщество было объединено профессиональными интересами, происхождением, вероисповеданием, отношением к покинутой родине, что превращало их в одну большую семью. Только так можно было существовать и действовать во все более обманчивом ожидании возвращения в Россию, поддерживая и помогая друг другу. Это состояние замечательно сформулировано Н. Н. Кноррингом: «Когда на “экране моей памяти” разворачиваются картины моих африканских воспоминаний, то в них основным тоном являются ученические массы – то мальчишки, почти дети, то усатые юноши; то они проходят поодиночке по лагерям, то идут густыми колоннами в строю <...> По отношению ко всем им были особенно сложны наши воспитательские задачи и педагогическая ответственность. У нас на руках оказались многие десятки детей, трагически оторванных от семей, которым нужно было дать не только среднее образование, но и что-то сделать в другом отношении: дать то, что дается семьей и «домом» вообще в развитии общежительских отношений, общей интеллектуальности, индивидуальных вкусов и т. д.» [12, с. 93–94].

Главным для гардемарин оставалась организация учебы. За время ка-рантина, как и во время перехода из Севастополя в Бизерту, никаких регулярных учебных занятий с гардемаринами и кадетами не проводилось, однако воспитанники Морского корпуса были заняты в судовых работах, несли вахты совместно с членами экипажей кораблей. Тогда офицеры еще имели в их лице разрозненную, плохо организованную массу молодых людей. «С большой тревогой мы наблюдали на корабле за грубыми нравами этих пареньков <...> Корабельный блатной жаргон висел в воздухе и некоторое время, уже на берегу, грубые инстинкты, как скверные привычки, прорывались на уроках. Особенно это сказывалось на уроках русского языка, который болезненно страдал от этого корабельного блата <...> С этим тяжелым наследием пришлось очень долго бороться» [12, с. 94]. Но уже через несколько месяцев кропотливой и терпеливой работы мальчики стали неузнаваемы, чему содействовала атмосфера дисциплины, принятая в учебном заведении.

Возможно, будни гардемарин в Джебель Кебире выглядели однообразными, но график жизни был весьма плотный и насыщенный. В 6 часов 45 минут учащиеся стояли на плацу, исполняя команду старшего ротного: «Петь молитву». После завтрака начинались гимнастические и другие спортивные занятия. Основное время уделялось строевым занятиям в лучших традициях Императорской Гвардии. Ими руководил старший лейтенант Б. В. фон Брискорн, старший корпусный офицер учебного судна «Моряк» [15, с. 82].

Помимо общих основ воспитания и образования, принятых в России, мальчики и юноши овладевали навыками, необходимыми для «жизни на воде». Спуск и подъем Андреевского флага, походы под парусами, гребля в канале, управление рулем, умение причаливать, овладение морской терминологией – все это немаловажные элементы их воспитания и профессионального образования. Для практики воспитанникам Морского корпуса служило учебное судно «Моряк» [18]. Занятия продолжались и на линкоре «Генерал Алексеев», где был создан артиллерийский класс, а также в классе подводного плавания при дивизионе подводных лодок. Здесь строго соблюдался корабельный распорядок дня, проводились учения и работы по уходу за техникой.

Воспитанников Севастопольского морского корпуса обучала необходимым практическим навыкам и дисциплинам блистательная плеяда воспитателей и педагогов-профессионалов высокого уровня, многие из которых сами закончили Морской корпус. Среди них И. В. Кольнер, преподаватель офицерских артиллерийских классов и одновременно командир 3-й роты гардемарин, заслуживший среди учеников доброе прозвище «Папа Кольнер»; Н. А. Крич (он вел офицерский класс подводного плавания); Г. А. Мейрер, автор учебника «История военно-морского искусства», подготовленного для Морского корпуса; А. А. Сокольников, воспита-

---

тель Морского корпуса в Севастополе еще до эвакуации из Крыма; капитан первого ранга М. А. Кितिцын, помощник директора Корпуса; Н. Н. Александров, академик, математик, капитан первого ранга, помощник по учебной части в Севастопольском Морском корпусе, В. В. фон Берг, преподаватель навигации и артиллерии и др. [1, 15].

Еще до полудня по сигналу «разойтись» заканчивались физические занятия. Начинались уроки в классах. Педагоги по несколько часов обучали молодежь математике, астрономии, географии, штурманскому делу, навигации, естественной истории, языкам. Учебные программы были скорректированы вице-адмиралом А. М. Герасимовым, тогдашним директором Корпуса, и приближены к французским образцам, чтобы воспитанники Морского корпуса могли впоследствии получить сертификат «башо» (аттестат зрелости, вручаемый французскими властями по окончании кадетских классов). В итоге многие смогли завершить образование во Франции и Бельгии, стать специалистами высокого уровня в разных отраслях, сделать карьеру на французском военном и коммерческом флоте.

Атмосфера в Корпусе была интеллектуальной и в какой-то мере домашней, душевной: известно, во что воспитанники верили, что читали, какую музыку слушали и исполняли сами, в какие игры играли. Повседневность была насыщена африканскими красками, запахами, звуками.

«Мне в 1925 г. было 13 лет, и я помню кадетов <...> В Морском корпусе и казематы были устроены, и дортуары, и столовые, и классы для кадетов <...> Они спускались с большой горы и все это пешком⁵. Жили в Морском корпусе, им здесь всего хватало. А за покупками спускались с маленькой тележкой и осликом на базар в Бизерту», – вспоминает в своем интервью А. А. Манштейн-Ширинская (Бизерта, 2007 г.)⁶. В ее рассказах, в книгах Н. Н. Кнорринга и В. В. фон Берга особенно ощутима та теплота и забота членов русской общины, с которой они относились к детям Морского корпуса. Большинство мальчиков, вспоминает Н. Н. Кнорринг, были как бы сиротами. Их родные (если они были живы) оставались в России. Письма приходили редко, грустные, скорбные. Многим некуда было пойти в отпуск. Поэтому как-то само собой возникло их сближение с семьями Сфаята. У каждой сфаятской семьи были свои постоянные гости-кадеты, приходившие к ним, как к родным. Эти «интимные» гости делались друзьями семьи, часто приходили на целый день и очень много и охотно помогали по хозяйству [12, с. 99]

В своих интервью А. Манштейн и другие очевидцы событий рассказывают о женщинах Черноморской эскадры, чей труд в условиях эмигрантского бытия создавал атмосферу комфорта, уюта, тепла, необходимых для человеческого выживания, физического и нравственного. С большим

---

⁵ От форта, где расположился Севастопольский Морской корпус, до Бизерты было около 6 километром по шоссе.

⁶ Крылова Н. Л. Из личного архива автора.

вниманием, терпением и заботой к юным воспитанникам Корпуса относились жены преподавателей и персонала корпуса, занимались с ними, опекали захворавших, устраивали праздники, делали немудреные подарки [14, с. 122–123]. Их, вложивших немало труда в организацию жизни Корпуса, тепло вспоминали бывшие воспитанники. Прежде всего Г. Я. Герасимову, супругу вице-адмирала А. М. Герасимова, возглавлявшую «Дамский Комитет», который своей главной задачей считал заботу о детях Черноморской эскадры. В лагере Сфаят жены морских офицеров и преподавателей устроили швейную мастерскую, где шили для воспитанников Корпуса летнюю морскую форму и головные уборы, напоминающие шапочки американских матросов. Умельцы сапожного дела тачали кадетам и гардемаринам парусиновые туфли.

За буднями гардемарин следовали воскресные дни с обязательными церковными службами (их описанию посвящено немало страниц в воспоминаниях очевидцев) [8, с. 44–47; 9, с. 40–41]. Они сделались, по словам В. В. фон Берга, «существенным элементом в нашем русском африканском быте» [9, с. 64]. И праздники, главным из которых было 6 ноября – Праздник Морского корпуса. Праздник с особым духом, особым чувством, связанным с историей Корпуса и историей российского флота. Торжественный вынос знамен, молебн, безукоризненно проведенный парад, торжественный совместный обед с традиционным гусем и, наконец, бал, где играл корпусный духовой оркестр и куда были приглашены дамы из Сфаята и Бизерты, французские офицерские семьи. «Нарядные пары прекрасных дам гардемарин, кадет и офицеров плавно неслись по цементному полу крепостного барака <...> Вальсы сменялись мазуркой, плясали Краковяк, Кадриль, Миньон, полонез, шакон и даже польку. Весело, искренно, непринужденно, как всегда у моряков» [9, с. 164].

Одно время дамами лагеря Сфаят были организованы чаепития специально для кадет. Обычно маленькие праздники устраивались в Сфаяте. Об одном из них вспоминает в своем дневнике [13] поэтесса Ирина Кнорринг, дочь преподавателя русской литературы и истории в Севастопольском Морском корпусе Н. Н. Кнорринга, одно время учившаяся вместе с гардемаринами: «3 сентября 1922. Воскресенье. Наши дамы решили каждое воскресенье устраивать “чашку чая” для кадет; специально для тех, кому некуда ходить в отпуск. Сегодня была приглашена 6-я рота, около 20 человек. “Чай” готовила комиссия из 3-х дам (Мамочка, А<лександра> М<ихайловна> Завалишина, Инна Федоровна Калинович). Напекли они сладких пирогов, накупили винограда, убрали мастерскую, накрыли столы и в 4 часа пришли кадеты. Были приглашены также и все барышни. Сначала все как-то дичились, но поневоле разговорились, и “чай” прошел очень оживленно. После чая пошли в Гефсиманский сад, играли, бегали, дурили. Уговорились после ужина устроить игры на теннисной площадке. Тут было еще веселее».

При корпусной церкви существовал хор. Хоровое пение как элемент духовно-нравственного и эстетического воспитания русской молодежи, оказавшейся за пределами родины, величественная красота православной хоровой музыки объединяла, одухотворяла, вливала в людей новые силы. Пели все: кадеты, гардемарины, дамы, офицеры и служащие.

У бизертских гардемарин был и свой художественный театр с естественными декорациями: местной флорой и каменными сооружениями форта, освещаемых корабельными прожекторами. На его подмостках ставились не только пьесы классиков (Чехова, Фонвизина), но и сценические произведения педагога Морского корпуса В. В. фон Берга с постановкой Н. Н. Александрова и музыкальным сопровождением Н. Н. Кнорринга. Спектакли пользовались неизменным успехом и скрашивали полувоенный режим жизни гардемарин и всех участников театральных действий. Такой была и театральная постановка, посвященная выпуску и прощанию с Корпусом 4-й старшей кадетской роты, которую подробно описали очевидцы: «Первым номером шла комедия “Свадьба” Чехова, где особенно очаровательна была невеста. Она так умирительно кокетничала и поправляла локоны на парике, играл ее кадет, и публика покатывалась со смеху...» [19, с. 78]. Затем шел дивертисмент, горячо встреченный гостями. Публика была в восторге и долго не отпускала артистов.

Морской корпус 1924 г.: «Разойтись!»

Летом 1921 г. после сдачи в корпусе экзаменов 17 офицеров-экстернов бывшей сводной роты получили аттестаты об окончании полного курса Морского корпуса. Это был первый выпуск гардемарин в Бизерте. К концу 1922 г. французские власти, которые субсидировали Морской корпус, потребовали упразднить гардемаринские роты в Морском корпусе и перевести его на положение гимназии. Большинство кадет после завершения общеобразовательного курса по гимназической программе оставались на эскадре в должности матросов. Некоторые уезжали, чтобы продолжить учебу в высших учебных заведениях за рубежом. Воспитанники уезжали во Францию на заработки, за ними уезжали и воспитавшие их офицеры и преподаватели. Редел и штат служащих.

28 октября 1924 г. Франция юридически признала законность советского правительства и установила с ним дипломатические отношения. Существование эскадры под Андреевским флагом стало невозможным. А. Манштейн-Ширинская вспоминает в своем интервью (Бизерта, 2008 г.): «Это был ужасный день 29 октября 1924 г., когда на всех кораблях, где был Андреевский флаг, Флаг Петра великого, великих русских моряков, спускали этот Флаг. Потому что в России уже развивался красный флаг Третьего Интернационала, что для моряков, которые приносили присягу, это означало конец <...> 29 окт. 1924 года в 17 час. 25 мин раздалась команда и через минуту флаг спустился, у всех моряков была одна и та же мысль. Что видишь

ли ты, Великий Петр, видите ли вы, Синявин, Ушаков, Нахимов, ваш флаг спускается! И это ужасно люди переживали. У всех в глазах это выражалось. А мы маленькими были тогда. Мне было 12 лет, мы стояли на корме “Георгия Победоносца”, несколько детей, их матери, какие-то старички, потому что моряки были на другом корабле. Накануне Эксельманс всем пожал руки, обещал, что с честью он отдаст все флаги нам, нашим отцам»⁷.

30 октября 1924 г. с заходом солнца в Бизертской бухте на всех российских судах прозвучала последняя общая команда: «На флаг и гюйс!» – и спустя минуту: «Флаг и гюйс спустить!». С гафелей и кормовых флагштоков заскользили вниз флаги с изображением креста святого Андрея Первозванного, символа морского флота России. Воспитанники Морского кадетского корпуса не сдерживали слез: со спуском флага завершалась их морская карьера.

«Драгоценная чаша с дорогим напитком медленно испаряла живительную влагу и уже виднелось, просвечивая, ее золотое дно. Наконец, последняя капля была испита. Жизни Морского Корпуса в Африке приходил конец; “сказка, где был Русский дух и Русью пахло” кончалась, наступало пробуждение после пятилетнего сна, в котором грезилась еще Россия. Умирало маленькое русское княжество “Джебель-Кебир-Сфаятское” [9, с. 180].

Сочувствуя русским морякам, адмирал Эксельманс, рискуя карьерой, разрешил двум ротам кадетов бывшего Морского Корпуса завершить учебный год. «В начале мая 1925 г. из корпуса выпустили две оставшиеся кадетские роты Бизертского набора. 5-го мая 1925 г. по требованию французских властей была объявлена ликвидация Морского Корпуса. 6 мая 1925 г. для личного состава расформированного Морского кадетского корпуса на построении в лагере Сфаят прозвучала команда директора: “Разойтись!” Выпускников вывезли из Туниса в Европу и распределили по родственникам, опекунам, знакомым и русским семьям. Каждого кадета при отъезде из корпуса снабдили запасом белья и двумя сменами платья <...> 25 мая приказом по Морскому корпусу №-25 он ликвидировался окончательно. Крепко заперлись железные ворота Джебель-Кебирской крепости, и бронзовый воин араб в голубых шароварах и белой накидке тихо и мерно шагал перед каменным умершим фортом. На солнце ярко горела его красная феска. Синее море билось под горою и омывало белый город Бизерту ко всему равнодушной волною» [9, с. 181].

Севастопольский Морской корпус просуществовал в Бизерте четыре с половиной года. За время существования через его учебную программу прошло 394 воспитанника, из них 300 получили аттестаты младших офицеров [10, с. 105]. Часть продолжила обучение в Высших учебных заведениях Европы. В Тунисе было сделано 5 выпусков офицеров флота, служивших затем во Франции, Австралии и на кораблях других держав. Благодаря хлопотам директора Морского кадетского корпуса вице-адмирала А. М. Ге-

⁷ Крылова Н. Л. Из личного архива автора.

расимова дипломы, выдаваемые выпускникам, официально приравнялись к европейским документам о специальном морском образовании.

Ссылки

1. Русская колония в Тунисе. 1920–2000: сборник / сост. К. В. Махров. М.: Русский путь, 2008. 395 с.
2. Панова М. А. Русские в Тунисе. Судьбы эмиграции «первой волны». М.: РГГУ, 2008. 295 с.
3. Морской кадетский корпус в Севастополе. Из письма Г. А. Усарова в редакцию «Кадетской переключки». 1978. № 20. Исправления и дополнения к статье о Морском Корпусе в Бизерте, помещенной в № 15 «Кадетской Переключки». URL: http://www.ruscadet.ru/history/rkk_1701_1918/1883_1918/mkk-sebastopol/sev-mkk.htm (дата обращения: 20.09.2023).
4. Кольбель флота — Навигацкая школа — Морской корпус. 1701–1951. Париж: Издание Всезарубежного Объединения Морских Организаций (ВОМО), 1951. 328 с.
5. Зуев Г. И. Историческая хроника Морского корпуса. 1701–1925 гг. М.: Центрполиграф, 2005. 447 с.
6. Редакционная статья // Морской сборник. Прага. 1938. № 105 (9). С. 4.
7. Эвакуация Морского корпуса из Севастополя // Кадетская переключка. 1976. № 15. Нью-Йорк. С. 8–15.
8. Устройство Корпуса на старом бизертском форту // Кадетская переключка. 1976. № 15. Нью-Йорк. С. 24–33.
9. Монастырев Н. А. Гибель царского флота. СПб: Облик, 1995. 128 с.
10. Кадесников Н. З. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 годах. Нью-Йорк, 1965. 80 с.
11. Берг В. В. Последние гардемарины. Париж: Военно-морской Союз, 1931. 182 с.
12. Кнорринг Н. Н. Сфаят. Очерки из Морского корпуса в Африке Париж: Б-ка «Иллюстрированная Россия», 1935. 204 с.
13. Кнорринг И. Повесть из собственной жизни: [дневник]: в 2 т. М.: Аграф, 2009. Т. 1: 26 августа 1917 – 14 сентября 1926. 605 с.
14. Ширинская А. Бизерта. Последняя стоянка. СПб: Фонд содействия флоту «Отечество», 2003. 344 с.
15. Люди Русской эскадры / сост. А. В. Плотто. М.: Арт-Волхонка, 2015. 495 с.
16. Долгоруков П. Чувство родины у детей // Дети эмиграции: Воспоминания. М.: Аграф, 2001. С.162–180.
17. Зимина В. Д. Дети русской эмиграции: выживание ради самосохранения России // Новый исторический вестникъ. 2004. № 2 (11). С. 182–197.
18. На «Моряке» // Кадетская переключка. 1976. № 15. Нью-Йорк. С. 54–56.
19. «Выпускной, в то же время прощальный с Корпусом бал 4-ой старшей кадетской роты» // Кадетская переключка. 1976. № 15. Нью-Йорк. С. 78..